

Юнь Чжао сказал: «Не волнуйся. Придёт день — и я всё тебе расскажу. Сейчас тебе нужно хорошенько отдохнуть, а я постараюсь как можно скорее разыскать Цинь Синя.»

Услышав имя Цинь Синя, Сяо Цзюэ поморщился: «Этот человек некогда служил телохранителем при старшем брате, но после отравления брата бесследно исчез. Подождём, пока брат очнётся, и расспросим его о его происхождении.»

Сяо Цян лежал на кровати в глубоком забытии, лицо его было смертельно бледно, и вид его вызывал тревогу.

Юнь Чжао сказал: «Пусть будет так. Я пойду приготовлю отвар, иначе князь Юэ, пожалуй, не доживёт до утра.»

Сяо Лян, услышав это, сказал: «Цзи Лань, помоги Юнь Чжао. Не беспокойся обо мне, я немного отдохну — и всё пройдёт.»

Цзи Лань, поняв, что Сяо Лян опасается, как бы он что не подстроил, кивнул и отправился с Юнь Чжао на кухню. Сяо Цзюэ, терзаемый тревогой, обнял Сяо Цяня и размышлял над словами Мо Сюань.

Он не знал, как отреагирует Сяо И, если однажды всё узнает. Если тот решит казнить их, что тогда делать?

Цзи Лань, увидев, как Юнь Чжао промыл Ненависть Десяти Направлений, добавил в неё ещё несколько трав и отнёс в соседнюю комнату, подошёл и сказал: «Прости за бестактность, брат Юнь Чжао.» Он взял травы, внимательно понюхал их и с удивлением взглянул на Юнь Чжао.

Юнь Чжао лишь улыбнулся, нарезал травы на части, положил в глиняный горшок и поставил на огонь. Не отрываясь от дела, он сказал: «Чему так удивляешься?»

Цзи Лань ответил: «Брат Юнь Чжао, я и представить не мог, что ты пожертвуешь столь драгоценной вещью для лечения князя Юэ.»

Юнь Чжао покачал головой: «Это не для князя Юэ. Когда отвар из Ненависти Десяти Направлений будет готов, я добавлю плоды фулань — это поможет князю Циню ослабить действие яда Травы Сотни Увяданий.»

Цзи Лань спросил: «Тётка Мо Сюань ненавидит князя Циня лютой ненавистью. Почему же ты так о нём заботишься? Ты был с ним всего несколько дней. Не поверю, что ты и вправду считаешь его своим господином.»

Юнь Чжао ответил: «Просто знай — я не причиню ему вреда. Если не веришь, можешь остаться здесь. Но на вершине холодно, и я боюсь, князь Цинь не выдержит. Ему только что изрядно придавили горло, наверняка остались следы. Сходи в ту комнату, в шкафу на четвёртой полке внизу есть мазь — помажь ему.»

Цзи Лань, не в силах возразить, вышел с кухни и направился в комнату. Не успел он подойти к двери, как услышал разговор Сяо Ляна и Сяо Цзюэ.

Сяо Лян уговаривал: «Пятый брат, не тревожься так. Как только приготовят Ненависть Десяти Направлений и старший брат её примет, всё наладится.»

Сяо Цзюэ ответил: «Надеюсь на это.»

Сяо Лян, видя его беспокойство, спросил: «Пятый брат, ты и вправду так привязан к старшему брату? Слова Мо Сюань были злы, но в них есть правда. Если однажды отец узнает о ваших отношениях, тебе и старшему брату не сносить головы.»

Сяо Цзюэ горько усмехнулся: «Тогда, седьмой брат, мне остаётся лишь плыть по течению и надеяться, что отец никогда не прознает. Или... ты собираешься нас выдать?»

Сяо Лян покачал головой: «Если бы я хотел это сделать, я бы не приходил тогда в Дворец Хранения Изыщества спрашивать твоего мнения, когда испрашивал у отца разрешения навестить старшего брата. Тогда я считал ваши отношения противоестественными и неправильными. Но... с тех пор как я покинул дворец и увидел, как ты заботишься о старшем брате, я стал понимать вас немного лучше. Старший брат поклялся никогда не жениться, но рано или поздно отец его сломит. Наложница Шу Цзи уже подыскивает тебе невесту — указ о браке неминуем. Так дальше продолжаться не может.»

Сяо Цзюэ сказал: «Седьмой брат, я тоже пытался отпустить его. Но где уж сердцу прикажешь? Даже если я буду обманывать себя, пытаюсь отстраниться, это бесполезно. Говорят, Замок Чувств ужасно силён, но я нахожу его не таким уж страшным. Будь он снят или нет — для меня ничего не изменится. Человеку, измученному любовью, разве помогут лекарства, что пытаются запереть чувства? Прими он хоть сто таких пилюль — всё равно тщетно.»

Сяо Лян вздохнул: «Пятый брат, зачем ты так себя мучаешь?»

Сяо Цзюэ взглянул на него: «Обо мне пока не говори. Мо Сюань сказала, у тебя есть возлюбленная. Из какого она рода? В дворце ты сильно болел, и никаких слухов не ходило. Может, за месяцы жизни в резиденции князя Циня ты кого приметил? Не стесняйся, расскажи пятому брату. Если дело сложное, я помогу тебе советом.»

Сяо Лян покраснел: «Это... пятый брат, не болтай чепухи. Ничего такого нет.»

Цзи Лань, притаившийся у двери, замер от внезапного волнения, боясь услышать имя какой-нибудь знатной девицы. Услышав уклончивый ответ, он почувствовал лёгкую досаду.

Сяо Цзюэ сказал: «Ты знаешь о наших с братом отношениях всё до мелочей. Почему же теперь, когда я спрашиваю тебя, ты отмалчиваешься? Влюбиться — дело хорошее, значит, повзрослел. В детстве ты часто болел, и брат втайне очень переживал. Из-за моей матери он не мог навещать тебя открыто, но постоянно присылал подарки в Дворец Луны над Хуай. Увы, твоя матушка была осторожна и часто возвращала дары, если они были из Дворца Хранения Изыщества. Каждый раз, навестив тебя, брат возвращался, и мать его донимала. Я был тогда мал и ничем не мог ему помочь, только смотрел, как он терпит обиды. Я даже сердился на него тогда, спрашивал: «Зачем так заботиться о нём, если он об этом и не знает?» А он утешал меня: «Братья должны любить друг друга, как можно из-за такого мелочиться?»

Сяо Лян, растроганный, сказал: «Оказывается, старший брат втайне столько из-за меня вынес... А я, под строгим присмотром матери, ничего не ведал. Третий брат злился, что я не могу с ним играть, четвёртый брат навещал редко, и его часто прогоняли. Лишь старший брат часто приходил, потому я с детства к нему привязан. Выходит, это я в долгу перед старшим братом.»

Сяо Цзюэ ответил: «Какой там долг? Ты сам испросил у отца разрешения навестить брата, да ещё и рискнул привезти меня с собой. Это уже великая милость.»

Сяо Лян сказал: «Пятый брат, не говори так. Мы...»

Его слова прервал голос Юнь Чжао у двери: «Ой-ой, а ты что тут подслушиваешь?»

Сяо Цзюэ и Сяо Лян вздрогнули и увидели, как покрасневший Цзи Лань стоит на пороге рядом с Юнь Чжао. Сяо Цзюэ спросил: «Лекарство готово? Почему три чаши?»

Юнь Чжао подошёл вперёд: «Эту — твоему старшему брату. Эту выпей сам. Замок Чувств в тебе требует для излечения крови твоего брата. Но он сейчас отравлен слишком сильно, да и раньше мы не решались. Сейчас брат у него кровь крайне опасно. Выпей этот отвар, вернись к матери и попроси противоядие. Хотя, полагаю, ты его не получишь.»

Сяо Лян спросил: «Пятый брат — родная кровь наложницы Шу Цзи. Почему бы ей не дать противоядия?»

Юнь Чжао усмехнулся и глянул на Цзи Лана: «Объясни ему.»

Цзи Лань покраснел ещё больше: «Если князь Ци не примет противоядие, он больше не сможет иметь с князем Юэ близости. Иначе Замок Чувств в его теле станет хозяином и начнёт медленно разъедать меридианы. Наложница Шу Цзи только этого и ждёт — чтобы князь Юэ и князь Ци разорвали связь.»

Сяо Лян спросил: «Но если Замок Чувств в теле пятого брата так и не будет снят, разве он сможет жениться? Как наложница Шу Цзи может на это пойти?»

Юнь Чжао ответил: «Замок Чувств действует лишь на первого человека.»

Сяо Лян на мгновение замер, затем, наконец поняв, смущённо посмотрел на Сяо Цян и Сяо Цзюэ: «Пятый брат... значит, ты и старший брат уже... уже...»

Сяо Цзюэ вспыхнул и спросил: «Юнь Чжао, что это ты мне подносишь?»

Юнь Чжао ответил: «Замок Чувств в тебе сейчас в спящем состоянии. Ненависть Десяти Направлений, которую я даю тебе, не убьёт его, но защитит тебя от его влияния. Даже если он позже станет хозяином, твоё состояние будет куда легче.»

Сяо Лян спросил: «Почему Ненависть Десяти Направлений может излечить старшего брата, но не пятого брата?»

Юнь Чжао сказал: «Потому что наложница Шу Цзи наложила Замок Чувств специально против князя Юэ, он иной. К тому же, именно заговор в Цзяннани стал ключом к пробуждению его яда гу.»

Сяо Цзюэ перебил: «Хватит. Всё ясно — мать просто хочет известить старшего брата. Не будем больше говорить, давай лекарство брату.»

Юнь Чжао взял третью чашу и протянул Сяо Ляну: «Это для князя Циня. Поможет прочистить меридианы, укрепить тело и сдержать яд Травы Сотни Увяданий. Пей скорее.»

Сяо Цзюэ и Сяо Лян вопросительно посмотрели на Цзи Лана, будто ожидая его одобрения. Цзи Лань сказал: «Не медлите, пейте. Лекарство остынет — и толку не будет.»